

товарища. — Знаешь, я тоже думаю обмобилировать свой въ такомъ же стилѣ...

Здѣсь юношеская революціонно-соціалистическая мирно сливается, прибавляетъ авторъ, съ откровенными ными вождельніями даже въ самые зеленые годы перваго ского расцвѣта. Попавши въ университетъ, гдѣ устроено ное «бюро орьентировки», оба юнца, вѣроятно, тоже приеся къ «рабочей соціаль-демократической партіи» и, покура дую модѣ, подъ краснымъ пролетарскимъ знаменемъ тайно въ своихъ сердчишкахъ контрабандный грузъ мирныхъ ныхъ аппетитовъ.

Охотно вѣримъ, что учащееся юношество увлекается и что мотивы этого увлеченія идеальныя поиски лучшаго дѣвѣчества, для родной земли, но вреда отъ этого увлеченія Увлеченія учащейся молодежи увеличиваютъ внутреннюю мѣшающую мирной работѣ дѣйствительнаго прогресса, а не или утопическаго. Они сулятъ намъ золотыя времена, но дутый вексель, и вмѣсто него обществу было бы въ тысячу лучше получить хоть грошь, но дѣйствительный. Пусть изъ учащихся прежде всего выучится, какъ слѣдуетъ, въ станетъ хорошимъ чиновникомъ, священникомъ, врачомъ и пусть каждая учащаяся, по выходѣ изъ школы, хоть на увеличитъ собою контингентъ хорошихъ матерей и хозяй- будетъ дѣйствительный прогрессъ, а не тотъ мнимый, который быстро хотятъ произвести учащіеся.

Поэтому нельзя не привѣтствовать народившейся и тающей теперъ верхъ т. наз. академической партіи среди учающейся молодежи, которая хочетъ прежде всего учиться. Эта конечно обрекаютъ себя на трудъ, трудъ, не замѣтный, и не лѣзутъ прямо въ герои, чтобы пользоваться шумомъ и извѣстности; но они будутъ имѣть больше значенія въ историческомъ ходѣ прогресса, и потому болѣе дороги для общества. Иные назовутъ, пожалуй, отстающими, но въ сущности они и ютъ болѣе правъ на титулъ передовыхъ. Исторически и что усовершенствованіе жизни идетъ медленно. Какъ въ внутренней силе христіанства, но потребовались вѣка, и требуются, чтобы его великія божественныя начала проявились жизнь человѣчества. Хорошо стремиться къ полному совершенству къ которому стремятся юные соціалисты, но оно не достигается путемъ розовыхъ самообмановъ и заранѣе обреченныхъ на неудачу попытокъ прыгать выше своей головы.

Произведетъ ли, нѣтъ ли, переворотъ, въ соціальной жизни произведетъ постепенно, наука, въ соединеніи съ христіанствомъ,

которыми руководится всякій прогрессистъ сознательно или сознательно, будь онъ челоѣкъ вѣрующій во Христа, или атеистъ.

И теперешнее состояніе науки уже, можетъ быть, въ близкомъ будущемъ сулитъ чѣловѣчеству важныя преобразованія. Мы живемъ въ эпоху великихъ открытій, изобрѣтеній и научныхъ, которая общаются и измѣняютъ нашъ жизненный строй, и чѣловѣчеству новое міросозерцаніе. Открытіе радія и изобрѣтеніе одноколенной желѣзной дороги, облегчая проведеніе вертуть вверхъ дномъ химію и, пожалуй, научатъ людей дѣлать и тогда вся система нашего денежнаго хозяйства рухнетъ. Изобрѣтеніе однокосной желѣзной дороги, облегчая проведеніе однокосныхъ путей въ прежде недоступныя страны, придвинетъ другъ къ другу новыя рынки, создастъ центры, о которыхъ мы теперь и не догадываемся. Стоитъ изобрѣсти управляемыя воздушныя суда, и таможенно придется закрыть, если даже снабдить будущую воздушную полицію самими сильными рефлекторами. А сколько новыхъ изобрѣтеній и усовершенствованій будетъ сдѣлано въ будущемъ! Говорить объ одномъ очень замѣчательномъ инженерѣ, который мечталъ о томъ, какъ Россія завоюетъ Гольфштремъ и перенесетъ его по каналамъ поближе къ Петербургу, и кто поручится, что Гольфштремъ, дѣйствительно, не будетъ передвинутъ когда-нибудь въ сторону?

Дружной ратью строятъ будущее для челоѣчества техники и естественники. Но не отстаютъ отъ нихъ и историки и этнографы. Съ каждымъ годомъ расширяется міровоззрѣніе челоѣчества, углубляется въ даль вѣковъ его пытливость, и здѣсь находятъ вымершія высокія цивилизаціи, возвышенныя ученія, сложную государственную жизнь. Целена, которая окутываетъ прошлое, сназываетъ годъ за годомъ, и мы все болѣе познаемъ разнообразіе и сложность челоѣческаго существованія.

О. Алексѣй Александровичъ Скворцовъ (Некрологъ).

13 іюля текущаго года въ с. Клевцовѣ, Нерехтскаго у., на 70-мъ году своей жизни скончался священникъ Алексѣй Александровичъ Скворцовъ.

Почившій принадлежалъ къ числу наиболѣе видныхъ дѣятелей среди духовенства Костр. епархіи. Не малые и разнообразныя труды, посвященные имъ за время его долготѣнаго (съ 1860 г.) служенія церкви и народу, его ревностное и неуклонное исполненіе приходскихъ обязанно-

стей, его неустанная забота о создании и развитии школьного дѣла въ мѣстах его служенія, наконецъ, его продолжительная миссионерская дѣятельность, открываютъ въ немъ высокій образъ непостыднаго пастыря врученныхъ ему Христовыхъ овецъ, ради которыхъ не падали ни сила своихъ и здоровья, ни собственного благополучія. „Сознаніе великой отвѣтственности за ввѣренное ему въ санѣ священства, дѣло никогда не угасало въ душѣ его, неослабно бодрствовавшей на святомъ посту хранителя евангельскихъ заветовъ Божественнаго Пастыря начальника. Твердость здравыхъ убѣжденій, трудно поддающихся никакимъ сомнѣніямъ и настойчивость, съ какою они проводились въ жизнь, при рѣдкостной прямотѣ характера, высоко ставили о. Алексѣя въ глазахъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ какія либо сношенія. Ни въ одномъ случаѣ своей жизни не говорилъ онъ чужими словами, не слѣдовалъ чуждымъ планамъ, но всегда и во всемъ проявлялъ всю силу своей самостоятельности, своего пониманія дѣла и всегда готовъ былъ, до послѣдней возможности, отстаивать свой взглядъ на вещи, если только убѣжденъ былъ въ его правильности. Какъ вѣрный служитель Божій, самоотверженный и безкорыстный, всей душой отдавался о. Алексѣй всякому полезному начинанію и шелъ къ цѣли прямо, смѣло, увѣренно, самостоятельно и рѣшительно отклонялъ всякое постороннее вмѣшательство, могущее помѣшаніемъ изменить положеніе вещей въ неблагоприятную сторону. Такое направленіе характера и мысли о. Алексѣя несомнѣнно имѣло свою хорошую сторону,—добрымъ словомъ помянуть его всѣ тѣ, кто добрымъ обязанъ этой энергіи, искренности и твердости убѣжденій; но это же обстоятельство приводило его нерѣдко въ столкновеніе съ людьми, случайно и мимоходомъ соприкасавшимися съ тѣмъ дѣломъ, которое онъ считалъ преимущественно своимъ и которому, какъ своему, удѣлялъ все свое вниманіе. Много усилій прилагалъ въ такихъ случаяхъ и много энергіи затрачивалъ о. Алексѣй, чтобы безопасно провести по бурнымъ волнамъ смутнаго угла чести приходскаго строительства и направить его въ благополучное русло.

О. Алексѣй родился въ 1838 г. въ с. Парскомъ Юрьевск. у. О 4-лѣтняго возраста остался онъ на попеченіи своей матери, такъ какъ отецъ его, пономарь, перешелъ потомъ въ военную службу и жилъ въ Костромѣ, отдѣльно отъ семьи. Ученическіе годы сначала въ Духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Кинешемскомъ и, наконецъ, въ Костромскомъ семинаріи оставили въ немъ неизгладимыя впечатлѣнія. Въ своей за долгие годы до смерти написанной, автобіографіи, онъ подробно отмѣтилъ многія—и хорошія и дурныя—стороны этой жизни.

Окончивъ семинарію въ 1860 г. съ званіемъ студента, о. Алексѣй

въ томъ же году началъ свое служеніе церкви. Какъ разъ въ это время Синодъ указалъ опредѣлять окончившихъ курсъ семинаріи прежде принятія священнаго сана, или на должность причетника или по слушникомъ въ монастырь, такъ что выпускъ семинаристовъ 1860 г. былъ первымъ, на который прѣстерлось дѣйствіе этого синодальнаго указа. Во исполненіе этого послѣдняго, преосвящ. Платонъ и „предоставилъ студенту Скворцову пономарское мѣсто въ с. Волѣ съ званіемъ управляющаго должностъ пономаря“. Многимъ показалась тогда странной и непонятной такая резолюція еписк. Платона, и много недоумѣній, а иногда и не двусмысленныхъ намековъ не въ свою пользу пришлось выслушать съ разныхъ сторонъ Вольскому пономарю. Но самъ онъ разсуждалъ иначе: „будучи священникомъ, надобно принять прямо по школьной скамьи сразу нѣсколько обязанностей—и по дому, и по церкви, и по приходу“, и легко мирился, живя въ сельской сторожкѣ, съ своимъ ненормальнымъ положеніемъ, издала присматриваясь къ той отвѣтственной жизни, которая ему предстояла. Пономарскія обязанности не отличались ни сложностью, ни серьезностью, чтобы удовлетворить каждому осмысленной работы студента семинаріи,—необходимо было искать ему для себя иного выхода, чтобы разумнымъ трудомъ заполнить пустоту захолустной пономарской жизни. И вотъ мы видимъ Алексѣя Александровича за разработкой мѣстнаго церковнаго архива, который и былъ приведенъ имъ въ порядокъ. Эта работа, въ свою очередь, натолкнула его на мысль составить, по документамъ, историко-статистическое описаніе своего прихода. Пробовалъ онъ и обучать дѣтей чтенію по вновьобрѣтенному способу звуковому. Въ этихъ занятіяхъ и короталъ свои дни студентъ—пономарь.

Пономарскій періодъ закончился для Алексѣя Александровича совершенно неожиданно. „Тогда сдѣлано было преосвященнымъ Платономъ распоряженіе,“ пишетъ о. Алексѣй, „чтобы всѣ окончившіе курсъ—священники, диаконы и причетники представили ему по какой-либо статьѣ собственнаго сочиненія.“ Съ рискомъ, даже и для пономарскаго благополучія, избралъ тогда Алексѣй Александровичъ темою для своего сочиненія всю правду о своей тяжелой пономарской участи, влачить которую волею начальства обреченъ онъ былъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Если архіерей осердится на меня за эту статью,“ учитывалъ онъ последствия своего рискованнаго шага,—„я уйду изъ духовнаго званія, а не осердится,—тѣмъ лучше“. Этой-то статьѣ и суждено было сыграть такую роль въ судьбѣ Вольскаго пономаря. Преосвященный возвратилъ сочиненіе его автору съ такой резолюціей: „Благочинный предложилъ студенту Скворцову, не хочетъ ли онъ перемѣнить неприятнаго

для него положенія и занять священническое мѣсто въ г. Костромѣ въ Стефановской церкви.“ Это предложеніе получено было на Пасхѣ 1861 а 10 іюля того же года состоялось и рукоположеніе Алексѣя Алексанровича во священника къ указанной церкви г. Костромы.

Свѣтлую и спокойную жизнь надѣялся найти въ Костромѣ Алексѣй, выйдя изъ того „непріятнаго положенія“, въ какомъ находился онъ въ с. Волѣ. Но не сдѣлкой съ собственной совѣстью, напередъ онъ былъ некатъ себѣ покой и не рядомъ съ неправдой въ служебныхъ дѣлахъ онъ могъ предаваться ему. А здѣсь только этотъ путь къ указанной цѣли и былъ къ услугамъ о. Алексѣя, но былъ имъ отвергнутъ и избранъ тернистый.

Недоразумѣнія начались при приѣмѣ церковнаго имущества по описи. Такъ какъ въ натурѣ не оказалось многого, указанного описью о. Алексѣй и предложилъ перечислить недостающее въ особой бумагѣ, а прежнюю опись не измѣнять. Однако, по распоряженію благочиннаго опись составлена была вновь, съ исключеніемъ изъ нея недостававшихъ вещей. „Такъ бы дѣло и прошло,“ пишетъ о. Алексѣй, „но тутъ явились помѣшанной планы и земля. По имѣющимся планамъ не было земли, а на выходящую при церкви землю не было плановъ. Я представилъ планъ этого дѣла, — написать въ клировыхъ вѣдомостяхъ, какъ имѣется дѣло въ натурѣ. Но благочинный настаивалъ писать по старому, что земли при церкви и планы на нее есть, на что я не соглашался. Согласіемъ уступить благочинному, разъ сдѣлавъ неправильно, онъ уже и впередъ будетъ заставлять дѣлать неправильности. Все это я зналъ и потому захотѣлъ поставить себя самостоятельно и не дѣлать того, что онъ считаетъ неправильно.“ Дѣло приняло, такимъ образомъ, серьезный оборотъ, доходило, до епархіальнаго начальства, но, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось всегдѣ не въ пользу властнаго благочиннаго. Далѣе случилось то же, что и въ с. Волѣ: о. Алексѣй долженъ былъ давать объясненія предъ архіереемъ по 15-ти пунктамъ обвиненій, воздвигнутыхъ на него. „Тутъ было и обвиненіе въ святотатствѣ, и въ злоупотребленіи по документамъ и мн. др.“ Понятно, что о. Алексѣю ничего не стоило оправдаться въ возведенной на него клеветѣ: епископъ Платонъ дѣятели обвинителя назвалъ, въ своей резолюціи, чуждыми всякой законности, прямодушія къ начальству и безпристрастія къ подчиненнымъ служителямъ.

Между тѣмъ консисторія поручила о. Алексѣю вызвать землемѣра и отыскать церковную землю. Послѣ неоднократныхъ хожденій въ поле тежную и справокъ тамъ, земля эта на общемъ планѣ г. Костромы не была отыскана, оставалось лишь обмежевать ее въ натурѣ. Но это послѣднее дѣло, вслѣдствіе различныхъ, случайныхъ или намѣренныхъ,

защекъ со стороны лицъ заинтересованныхъ оттягивалось на долгіе годы, и о. Алексѣю, за 7-ми лѣтнее служеніе свое въ Костромѣ такъ и не удалось довести его до конца. Съ переходомъ же о. Алексѣя въ другое мѣсто, дѣло это заглохло окончательно.

Въ Костромѣ о. Алексѣй оставался до 1867 г. Въ февралѣ этого года, по семейнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже онъ перешелъ въ с. Листье, Юрьевоцкаго уѣзда. Въ фактѣ перемѣны городского прихода на сельскій ясно обрисовался взглядъ о. Алексѣя на дѣль своего служенія. „Благочинный М. уговаривалъ меня,“ передаетъ онъ, „не уходить изъ города въ село, представляя на видъ, что въ городѣ и видѣе и награды получить можно скорѣе. Я отвѣчалъ ему, что все равно умереть — и съ наградами и безъ наградъ. Я обыкновенно никогда не справлялся нигдѣ о своей рекомендаціи и въ теченіе 7 лѣтъ не зналъ, какъ меня рекомендуютъ, потому что шелъ своей дорогой, а тамъ какъ хотятъ.“ И этотъ взглядъ на службу не измѣнилъ онъ во всю свою жизнь.

И въ новомъ приходѣ о. Алексѣй не оставался безъ работы. Темнота народная, послѣ городской обстановки, въ которой онъ велъ приходское дѣло доселѣ, особенно била здѣсь въ глаза. Въ эту-то сторону и направилъ о. Алексѣй свою пастырскую дѣятельность, изыскивая соотвѣтствующія средства для борьбы съ умственнымъ невѣжествомъ прихода, о которыхъ онъ сохранилъ самыя лучшія воспоминанія, какъ о народѣ простомъ, довѣрчивомъ и религіозномъ. — Не имѣя подъ руками никакой школы для обученія дѣтей, не располагая для этого и собственными денежными средствами, энергичный пастырь все-таки началъ систематическое обученіе и велъ его домашнимъ образомъ, — въ своемъ помѣщеніи, собственными силами и по своей программѣ. Кромѣ того, понимая, какъ цѣнны бываютъ иногда историческія свѣдѣнія о той или другой мѣстности въ епархіи, и сознавая, что единственнымъ работникомъ въ этой области въ глуши тогда могъ быть только священникъ, о. Алексѣй принялся за собраніе историческихъ свѣдѣній о своемъ приходѣ и составилъ „Историко-статистическое описаніе с. Листья“ (Костр. Епарх. Вѣдом. 1897 г.).

Не любилъ о. Алексѣй служебныхъ перемѣненій, но въ Листьѣ онъ прожилъ только 4½ года, оставивъ это село изъ-за разногласій съ церковнымъ старостой при постановкѣ церковнаго иконостаса. Поводъ къ переходу, повидимому, ничтожный. Но нужно знать, съ какою ревностію относился о. Алексѣй ко всякому дѣлу, имъ начатому, какъ тщательно обдумывалъ онъ всякую деталь его и внимательно слѣдилъ за его исполненіемъ, чтобы понять это рѣшеніе его о перемѣненіи. Вложивъ,

можно сказать, всю душу въ благоустроение храма, предпринятое же усердиемъ прихожанъ, онъ встрѣчаетъ здѣсь противодѣйствіе со стороны ц. старосты, челоуѣка, лишеннаго всякаго эстетическаго чувства только въ интересахъ экономіи и притомъ самой ничтожной (4 п. для укрѣпленія иконостасовъ на новыхъ мѣстахъ), вмѣшавшагося въ дѣло и испортивашаго весь планъ церковныхъ работъ. „И я рѣшился уйти изъ Листья“, пишетъ о. Алексѣй; „староста и домъ казенный ошачалъ для меня поставить и прочія милости, но разъ дѣло испортилось въ церкви, я не захотѣлъ уже оставаться, несмотря ни на какія просьбы“.

Въ с. Клевцово о. Алексѣй переимѣненъ былъ 17 сент. 1871 г. Этотъ приходъ, въ которомъ онъ священствовалъ почти 30 лѣтъ, сталъ ему второй родиной. Уволившись за штатъ въ 1901 г., онъ до самой смерти своей жилъ мыслию о Клевцовѣ и здѣсь же желалъ найти и послѣ себя смертный покой.

Первою заботою о. Алексѣя въ Клевцовѣ было, — каково религиозно-нравственное состояніе прихожанъ. Къ сожалѣнію, не порадовала его въ этомъ отношеніи новый приходъ. „Прихожане не совсѣмъ усердны къ храму Божію“, пишетъ онъ въ ц.-прих. лѣтописи, начатой имъ съ времени вступленія сюда, въ 1871 г. „Прешатствіемъ къ этому служатъ существующіе въ приходѣ признаки раскола, Расколъ тайный существуетъ, по сказанію свѣдущихъ людей, около 15—20 лѣтъ. И многіе прихожане придерживаются нѣкоторыхъ раскольническихъ мнѣній и обычаевъ. Весьма многіе прихожане, по ихъ собственнымъ словамъ, не были у исповѣди и св. причастія 10—15 и даже 20 лѣтъ, хотя и писались въ документахъ бывшими.“ Другое, что озабочивало его здѣсь, было то, что „прихожане расположены къ грамотности, но училища въ приходѣ нѣтъ.“ Склонность прихожанъ къ раскоду и отсутствіе школы въ приходѣ и стали во главу угла пастырской дѣятельности о. Алексѣя въ все время служенія его въ Клевцовѣ.

Быстро осмотрѣвшись среди прихожанъ, о. Алексѣй скоро открываетъ „притонъ раскольниковъ“ въ домѣ одного крестьянина, входящаго въ довѣріе раскольничащихъ прихожанъ, располагаетъ ихъ къ бесѣдамъ о вѣрѣ и тѣмъ полагаетъ начало противораскольнической миссии, которой много посвящено было имъ и трудовъ и времени. И эти отщепенцы отъ православной церкви почувствовали, что съ ними говорить не ради пустыхъ словопрѣній и не изъ побочныхъ соображеній, а единственно для ихъ спасенія, и съ открытой душой, даже закоренѣлые изъ нихъ, вступали съ нимъ въ религиозную бесѣду по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Эта довѣрчивость ихъ къ православному свя-

щеннику питала въ Алексѣѣ надежду на успѣхъ дѣла, а этотъ послѣдній былъ единственной наградой и великимъ утѣшеніемъ въ его усиленныхъ миссіонерскихъ трудахъ. Такъ, онъ съ видимымъ удовлетвореніемъ сообщаетъ въ „Лѣтописи“, между прочимъ, о томъ, что одинъ закоренѣлый „раскольникъ“ клеуцовскаго прихода, проведеній въ расколѣ 30 лѣтъ и имѣвшій у себя вышеуказанный „притонъ“, присоединился къ православію въ 1899 г., а жена его въ слѣдующемъ году изъявила желаніе также присоединиться къ церкви. Но вразумляя раскольниковъ, о. Алексѣй во-время поспѣвалъ и къ колеблющимся въ православіи своимъ прихожанамъ. „Противъ всѣхъ вообще ложныхъ вѣрованій и предразсудковъ въ приходѣ принимались имъ мѣры вразумленія, разъясненія, увѣщанія, частію устно, при случаяхъ съ церковной каведры и въ-богослужебныхъ собесѣдованіяхъ, — какъ въ церкви, такъ и въ домахъ и даже въ пути изъ Иванова-Вознесенска. И бывали случаи, что во-время сказанное слово успѣвало возвращать въ лоно церкви уже почти совращенныхъ въ расколъ.“

Въ борьбѣ съ расколомъ, кромѣ устныхъ бесѣдъ со взрослыми, о. Алексѣй справедливо возлагалъ большую надежду на церковно-приходскую школу. Организациі этого-то школьнаго дѣла въ Клевцовѣ и отдался онъ всецѣло и настолько ероднился со школой, что съ заботою о ней и сошелъ онъ въ могилу.

Школа въ Клевцовѣ открыта была имъ 19 янв. 1872 г., въ его собственной квартирѣ. Какъ дѣло новое, притомъ легшее исключительно на плечи самого основателя, обученіе дѣтей доставляло о. Алексѣю не мало хлопотъ и трудовъ. И помѣщенія удобнаго не было, и книгъ не доставало. При разнокалиберности книгъ, приносимыхъ учениками въ началѣ существованія школы, необходимо было заниматься съ каждымъ ученикомъ отдѣльно, по его книгѣ. Но дорого начало. Мало-по-малу все пришло въ порядокъ.

Неудобства помѣщенія для школы неоднократно угрожали самому существованію, и о. Алексѣя часто тревожила мысль о возможномъ закрытіи этого его дѣтища. Чтобы предотвратить этотъ печальный конецъ добраго начинанія, онъ прилагалъ все усилія, чтобы какъ-нибудь — то въ собственной холодной кухнѣ, то по наемнымъ тѣснымъ и угарнымъ помѣщеніямъ, — доташить школу до болѣе благоприятнаго времени. И только въ 1896 г. она переведена была въ собственное помѣщеніе, устройствомъ своимъ обязанное также исключительно энергіи о. Алексѣя сумѣвшаго изыскать на это съ разныхъ сторонъ и свои собственные средства. Самый переходъ школы изъ неудобнаго помѣщенія въ собственное зданіе былъ истиннымъ праздникомъ для о. Алексѣя, какихъ на

долю его вышло немного. „Сколько было за это время“, вспоминает онъ по этому поводу, „заботъ, хлопотъ и даже неприятностей со стороны родителей обучавшихся и обучающихся дѣтей.“ Но и съ устройствомъ зданія хлопотъ не убавилось. Нужны были деньги на ремонтъ и отопленіе школы, на наемъ прислуги и мелкіе хозяйственные расходы, и умѣлъ о. Алексѣй находить выходъ и въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ школьнаго хозяйства и твердою рукою велъ дѣло обученія приходскихъ дѣтей. Единственною отрадою для о. Алексѣя въ этомъ тяжеломъ дѣлѣ были успѣхи школы. Особенно дорожилъ онъ тѣмъ, что ученики не знанія только, программю указанныя, приобѣтали въ школѣ и не умомъ только однимъ воспринимали преподаваемое, но что школою направленная, дѣйствовала и на сердце дѣтей, пробуждала въ нихъ и развивала идейныя стремленія къ добру, научала любить Бога, неразрывными узами связывала ихъ съ храмомъ Божиимъ и воспитывала ихъ вѣрными сынами православія. Его школа направляла дѣтей къ храму, храмъ восполнялъ и продолжалъ школу. Въ храмъ своимъ участіемъ въ чтеніи и пѣніи они вносили такую же жизнь въ ц. богослуженіе, какъ и въ школѣ занятіями. „Они пѣли и читали все, что нужно при богослуженіи—и стихиры, и тропари и ирмосы, и не только по греческому распѣву, но и по знаменному; въ теченіе В. поста: знали она и богослуженіе преждеосвященной литургіи“. Вместе съ этимъ, они приобѣтали и знакомство съ ц. уставомъ, настолько основательное, что могли опривлять богослуженіе безъ посторонняго руководства *).

Въ продолженіе почти 30-ти лѣтъ велъ школьное дѣло о. Алексѣй въ Клевцовѣ. Неудивительно, что за такое немалое время не обошлось дѣло безъ неприятностей, возникавшихъ, большею частью, на почвѣ сдириванія школы Феодоро-Сергіевскимъ братствомъ, а потомъ епарх. училищнымъ совѣтомъ. Столкновеніе этого рода имѣли иногда характеръ случайныхъ недоразумѣній, иногда же обострялись до того, что о. Алексѣй „отказывался отъ всякихъ пособій со стороны братства для своей школы, 17-тъ лѣтъ безъ всякихъ пособій существовавшей, и предоставлялъ себѣ свободу дѣйствій въ изысканіи средствъ для ея дальнѣйшаго существованія,“ а братство, въ свою очередь, поручало наблюдателю школъ, минуя о. Алексѣя, „войти въ согласіе съ прихожанами с. Клевцова относительно устройства дома для церковно-прих. школы.“ Конечно,

* Справедливость требуетъ отмѣтить, что незамѣнимымъ сотрудникомъ о. Алексѣя въ этомъ направленіи былъ псаломщикъ И. Е. Русинъ, неутомимо, съ любовью и знаніемъ дѣла потрудившійся надъ созданіемъ изъ школьниковъ мѣтнаго церк. хора, существующаго понынѣ въ Клевцовѣ, и до сихъ поръ.

эти мѣры, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, насколько крутыя, настолько же и нефлесообразныя, не выходили изъ области намѣреній и канцелярской переписки и дѣло кончалось далеко не такъ печально, какъ это слагалось на бумагѣ.

Въ 1893 г. серьезный кризисъ пришлось было пережить школѣ, на этотъ разъ уже по усмотрѣнію училищ. совѣта.—Клевцовская школа переименована была въ школу грамоты. Совѣтъ не такого содѣйствія ожидалъ себѣ по школѣ о. Алексѣя и не могъ примириться съ такимъ ея униженіемъ. „Я скорѣе соглашусь“, сообщаетъ онъ по начальству, на совершенное закрытіе церковно-приходской школы, чѣмъ на переименованіе ея въ школу грамоты, такъ какъ она имѣетъ, такъ сказать, историческую давность, именно существуетъ 22 года, открыта мной и существовала до учрежденія училищнаго совѣта. Поэтому, прощу училищный совѣтъ Клевцовскую школу считать попрежнему церковно-приходской“. И на этотъ разъ жестокой ударъ, занесенный надъ школою, успѣлъ разразиться лишь на бумагѣ. Еще позднѣй, въ 1898 г., пришлось о. Алексѣю крѣпко постоять за свои права, какъ хозяина школы, и недопустить утвердиться въ ней чреватому послѣдствіями многоначалію. Благодаря твердости, съ какою о. Алексѣй защищалъ свою точку зрѣнія, опирающуюся на строго-законную почву, его неустранимости предъ угрозами даже служебнаго характера и рѣшимости стоять за правое дѣло до конца,—школа по прежнему осталась въ однихъ и твердыхъ рукахъ своего основателя.

Забываясь о религиозно-правственномъ развитіи прихожанъ и о распространеніи среди нихъ грамотности чрезъ ц. школу, о. Алексѣй удѣлялъ, въ то же время, не мало вниманія и ихъ матеріальнымъ нуждамъ. При появленіи эпидемій и въ отѣльныхъ случаяхъ заболѣваній, онъ съ величайшею готовностію оказывалъ свое влияние на вызѣздъ къ больнымъ врача, что для населенія, незнакомаго еще тогда съ постановкою медицинской помощи отъ земства, являлось незамѣнимой услугою. И какъ самъ онъ спѣшилъ помочь своимъ прихожанамъ личнымъ содѣйствіемъ,—деньгами помогать онъ не былъ въ состояніи,—насколько возмущался равнодушіемъ къ крестьянскому горю со стороны другихъ лицъ и учрежденій. Такъ, напр., съ особенною горечью отзывался онъ о Нерехт. земской управѣ, которая осталась глуха къ неоднократнымъ донесеніямъ его о разившемся въ 1876 г. въ Клевцовѣ „падежѣ скота“, унесшемъ до 70 головъ, и „не приняла никакихъ мѣръ противъ эпизоотіи“. Другое зло деревенской жизни—частые, разорительные пожары. И въ этомъ отношеніи, не мало успѣй прилагалъ о. Алексѣй къ тому, чтобы привить въ крестьянахъ сознаніе необходимости возможныхъ

предохранительныхъ мѣръ противъ этого явленія.

Цѣня во всемъ законность и порядокъ, о. Алексѣй всегда былъ защитникомъ и матеріальныхъ причтовыхъ интересовъ, наблюдая за чуждою церковныхъ земельныхъ владѣній. Между прочимъ, озабочиваясь особенно одинъ луговой участокъ, съ давнихъ поръ бывшій въ безспорномъ владѣніи причта, но не внесенный въ общій планъ ц. земли. Въ предупрежденіе возможныхъ споровъ, послѣ не малыхъ хлопотъ и издержекъ, имъ было, наконецъ, произведено обмежеваніе земли, чѣмъ ограждено было законное и безспорное пользованіе причтомъ ц. землей, на части которой имѣли притязаніе сосѣдніе владѣльцы. Составлены были тогда и планы на всю ц. землю. Это мало важное по тому времени дѣло приобретаетъ особую цѣну теперь, когда, при повсюдномъ насильственномъ захватѣ чужихъ земель, этотъ участокъ, кто знаетъ, можетъ быть предметомъ и очень острыхъ столкновений причта съ смежными владѣльцами.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, очеркъ дѣятельности о. Алексѣя въ приходѣ с. Клевцова.

Будучи уволенъ, 19 іюля 1901 г., за штатъ, 29 августа того же года онъ снова вступилъ на дѣйствительную службу, старшимъ священникомъ къ Покровской церкви, что на Угодѣ, Буйскаго у., отгула вторично и уже окончательно вышелъ за штатъ 23 іюля 1902 г.

Въ 1892 г. наряду съ обязанностями по приходу, о. Алексѣй принимаетъ на себя миссіонерскіе труды по Костр. и Нерехтск. уѣздамъ (въ 1901 г. вмѣсто Костр. у. ему данъ былъ Кинешемскій, а въ 1903 г. снова Костромской и часть Нерехтскаго) и весь безраздѣльно отдается проповѣди слова Божія и утвержденію истиннаго православія среди уклонившихся отъ церкви Христовой. Новыя обязанности окончательно заполнили и безъ того трудовую жизнь о. Алексѣя. 12 почти лѣтъ провелъ онъ въ разъѣздахъ по немалой территоріи миссіонерскаго округа и въ частыхъ, нерѣдко очень продолжительныхъ, миссіонерскихъ бесѣдахъ.

Въ самомъ началѣ этой его дѣятельности, ему поручено было консисторіей „отвести мѣсто для православныхъ на раскольниковскомъ кладбищѣ, устроенномъ купцомъ Горбуновымъ близъ своихъ домовъ въ Киселевѣ, недалеко отъ с. Середы, ходатайствовавшимъ о признаніи его кладбища законнымъ“. Горбуновъ, конечно, соглашался на предложеніе консисторіи, а потому и дѣло свое по кладбищу считалъ оконченнымъ въ свою пользу уже въ то время. Но о. Алексѣй повелъ дѣло далеко не такъ, какъ поручала ему консисторія и какъ желалъ Горбуновъ. Узнавъ о томъ, что Горбунова считаютъ главнымъ распространителемъ

раскола въ уѣздѣ“, о. Алексѣй представилъ докладъ въ консисторію, „что раскольниковскаго кладбища при домѣ Горбунова открывать не слѣдуетъ, такъ какъ со временемъ оно будетъ вторымъ Преображенскимъ кладбищемъ“ *). Согласно съ этимъ докладомъ, консисторія отклонила тогда просьбу Горбунова объ открытіи кладбища и Синодъ это постановленіе консисторіи утвердилъ *).

Изъ множества бесѣдъ со старообрядцами особенное впечатлѣніе на о. Алексѣя произвела его первая бесѣда въ д. Реутовѣ. „И памятна же мнѣ эта бесѣда,“ пишетъ онъ. „На нее [собрались раскольники со всей деревни, смотря на меня злыми глазами, что я обезпокоилъ ихъ своимъ пріѣздомъ. И еслибы не ободряло меня присутствіе мѣстнаго священника, то я сбѣжалъ бы съ бесѣды подъ какимъ нибудь предлогомъ,—такъ зло все раскольники смотрѣли на меня. И я, уѣзжая изъ деревни, думалъ дорогой о тяжести миссіонерскаго служенія и хотѣлъ даже совсѣмъ отказаться отъ должности миссіонера.“ И хотя бесѣда въ Р. по настроенію раскольниковъ была исключительною, но все же не легка была миссіонерская служба о. Алексѣя. Не мало неприятностей пришлось перенести ему и въ послѣдствіи и притомъ со всѣхъ, рѣшительно, сторонъ. Его „записки миссіонера“ обильно пестрятъ фактами этого рода. Но не съ обидою вспоминалъ объ этихъ недочетахъ о. Алексѣй, хотя осадокъ горечи и остался у него и въ немъ признается онъ, подводя итогъ своей службѣ: „устраиваютъ неприятности сверху, бранятъ снизу, и не желаютъ имѣть у себя свои же собратья, хотя ѣздишь для ихъ же пользы. Въ дѣлѣ миссіонерскомъ необходимо быть со спокойнымъ духомъ, тогда и дѣло хорошо идетъ, а при разныхъ терніяхъ теряешь охоту къ этому дѣлу. А то переносишь во время поѣздокъ и дурную погоду и цюхія дороги, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, обдумывая слѣдующую бесѣду; терпишь нравственныя біенія, заушенія и всякую скорбь, и за все это со всѣхъ сторонъ одинъ только неприятности. Поистиннѣ апостольское служеніе“.

Но среди всѣхъ этихъ „терній“, ободряло о. Алексѣя и подкрѣпляло въ трудахъ и очевидное впечатлѣніе его бесѣдъ на старообрядцевъ, и должное воздѣйствіе ихъ на умы православныхъ, въ вѣрѣ своей сомиѣвающихся. Утѣшался онъ и тѣмъ, что не вездѣ, по округу, онъ былъ одинокимъ. Такъ, онъ съ чувствомъ глубокой признательности

*) „Мое предположеніе“ пишетъ о. Алексѣй въ послѣдствіи, «въ настоящее время обывающійся Горбуновъ строитъ на своемъ кладбищѣ большую часовню для своихъ единовѣрцевъ-раскольниковъ. Интересно было бы теперь,“ добавляетъ онъ, «положеніе православныхъ при этомъ помолитесь за своихъ родныхъ въ Федосѣевской часовнѣ.»

*) Кладбище въ послѣдствіи было все-таки открыто, но подъ наблюденіемъ православныхъ священниковъ, мѣстнаго благочиннаго и о. П. Зибѣкина.

вспоминаетъ нѣкоторыхъ священниковъ, оказавшихъ ему и нравственную поддержку, раздѣлявшихъ и труды его на бесѣдахъ и даже должавшихъ его дѣло въ своихъ приходахъ. Съ живѣйшей готовностью онъ спѣшилъ на помощь имъ „указаніями и практическими совѣтами какъ вести виѣбогослужебныя бесѣды на темы разногласія раскольниковъ съ православными“.

Зная, какое важное значеніе въ борьбѣ съ расколомъ имѣютъ не столько теоретическія познанія, сколько практическое примѣненіе ихъ на дѣлѣ, о. Алексѣй, при случаѣ, приглашалъ на свои бесѣды и учителей церковно-приходскихъ школъ, „которымъ, быть можетъ, и самимъ доведется быть приходскими священниками и вести дѣло миссіи въ своихъ приходахъ.“ Не опускалъ онъ случая привлечь на бесѣды и учениковъ этихъ школъ, если видѣлъ въ нихъ подготовленность къ этому дѣлу.

При собесѣдованіяхъ со старообрядцами о. Алексѣй не любилъ прибѣгать къ полицейской помощи, и мѣрами кротости самъ водворять порядокъ, нерѣдко нарушаемый старообрядцами. „Нужно только имѣть сноровку для веденія бесѣды со старообрядцами и никакой помощи не надобно для возстановленія порядка на бесѣдахъ: слушатели сами всегда возстановятъ порядокъ.“

Имѣя единственною цѣлью своего миссіонерскаго служенія—возвратить церкви отпадшихъ ея членовъ, о. Алексѣй всегда проявлялъ чрезвычайную осторожность въ тѣхъ случаяхъ, когда мотивы присоединенія казались ему сомнительными. „Если я вижу что сомнительное въ томъ, я всегда обращаюсь къ раскольникамъ съ такими словами: „что заставило тебя, братецъ, присоединиться къ православію? Жилъ бы ты по своей вѣрѣ,“—и раскольники какъ-то невольно высказываютъ или истинную причину своего перехода (напр., „да у насъ нельзя табачку покурить и колбаски поѣсть“), или же явную ложь, которой нельзя не замѣтить.“

За время своего служенія миссіонеромъ, въ 1897 г. распоряженіемъ совѣта Костр. Θεодоровско-Сергіевскаго братства о. Алексѣй командированъ былъ, въ качествѣ делегата, на III-й миссіонерскій съѣздъ въ Казани.

Миссіонерское дѣло оставилъ о. Алексѣй въ 1904 г. Впрочемъ не совсѣмъ; частная переписка его со старообрядцами прекратилась лишь не задолго до его смерти, когда онъ, уже больной, затруднился писать и близкимъ своимъ родственникамъ. Освободившись отъ миссіонерскихъ трудовъ, о. Алексѣй прекратилъ и всякое активное участіе въ дѣлахъ своей епархіи и поселился на постоянное жительство въ г. Иваново-Вознесенскѣ, Владим. губ., гдѣ до самой почти смерти на оста-

влять службы въ храмѣ Божіемъ, „отъ алтаря“¹ вспомошествовая окружающимъ его сиротамъ.

46 лѣтъ прослужилъ о. Алексѣй въ священномъ санѣ, изъ нихъ свыше 35 лѣтъ—среди простого, темнаго народа. Но и за этотъ немалый періодъ служенія деревенская среда не успѣла наложить на него свою, почти неизбежную, печать: сумѣлъ онъ не погрязнуть въ житейской, почти неизбежной, и до конца жизни сохранилъ въ совершенной чистотѣ своихъ мысляхъ и до конца жизни сохранилъ въ совершенной чистотѣ свои высокіе идеалы, съ какими и вступалъ онъ въ жизнь. Даже часы отдыха отъ приходскихъ, миссіонерскихъ, отчасти и хозяйскихъ, обязанностей не проходили у него безъ дѣла. Не имѣлъ онъ веселыхъ знакомствъ, не любилъ и пустыхъ развлеченій, заполняя свободное время или разработкой темъ миссіонерскаго характера и другими письменными работами (о. Алексѣй, хотя и не часто, замѣтки свои посылалъ и въ печать), или чтеніемъ книгъ и журналовъ, преимущественно духовнаго содержанія, а также и газетъ, которыми интересовался онъ постоянно, вникая во всѣ мелочи мировой жизни, отражавшейся на столбцахъ печатнаго слова. Интересъ къ газетамъ возросъ въ немъ особенно въ послѣдніе годы его жизни, когда т. н. „освободительное движеніе“ давало себя чувствовать всѣмъ и на каждомъ шагѣ, особенно въ такомъ людномъ центрѣ, какъ Иваново-Вознесенскъ. Цѣлыя коллекціи газетъ „разныхъ лагерей можно было видѣть за это время у о. Алексѣя, и по нимъ онъ пытался разобраться въ чрезвычайныхъ событіяхъ русской жизни нашихъ дней, осмыслить ихъ и составить свой взглядъ на вещи. Среди всевозможныхъ занятій по службѣ, у о. Алексѣя находилось и время, былъ и особый интересъ наблюдать и изучать явленія природы. Занимаясь этимъ сначала безъ системы, съ 1887 г. онъ принялъ на себя порученіе конференціи Импер. Академіи Наукъ производить систематическія метеорологическія наблюденія надъ осадками, грозами и проч. за каковыя труды, добросовѣстно имъ исполняемые, и былъ утвержденъ въ 1890 г. корреспондентомъ главной физической обсерваторіи, а вмѣстѣ и Импер. Московскаго общества сельскаго хозяйства.

Въ заключеніе нельзя умолчать о матеріальной сторонѣ жизни о. Алексѣя. Удивительною, маловѣроятною, по бѣдности, представляется на нашъ современный взглядъ та обстановка, въ какой протекала жизнь учениковъ даже и семинаріи, особенно такихъ сиротъ, какимъ былъ онъ самъ. Окончивъ семинарію и состоя на пономарской должности въ приходѣ, гдѣ и „настоятелю приходило не болѣе 50 р. годового дохода“,—можемъ представить, какое жалкое существованіе владѣлъ о. Алексѣй въ с. Волѣ. Выпалъ, наконецъ, и ему случай поправить свои денежные дѣла,—при занятіи священническаго мѣста. Ему

по примѣру товарищой, оставалось только искать съ невѣстой и денегъ. Но слишкомъ идеально смотрѣлъ онъ на жизнь, чтобы много думать объ этомъ. „О приданомъ невѣсты и разговора почти не было,“ пересказываетъ онъ въ своей автобіографіи, „деньгами я ничего не взялъ и не просилъ, такъ какъ держался и теперь держусь того мнѣнія, что необходимо искать хорошую жену, а не деньги, которыхъ съ плохой женою ненадолго, а съ хорошей наживешь... И мое убѣжденіе, что не въ деньгахъ счастье, не посрамило меня. Да и какое могло быть состояніе почти что у сиротъ? Объ этомъ я могу судить по себѣ, такъ какъ остался послѣ отца четырехъ лѣтъ и воспитывался у матери и тетки. И потому спрашивать денегъ въ приданое неблагоприятно было съ моей стороны“. Съ нуждою не разставался о. Алексѣй и въ дальнѣйшіе годы. И изъ Костромы ушелъ онъ въ Листье изъ-за скуднаго содержанія, котораго и для собственнаго прожитія, конечно, самаго скромнаго, ему не доставало, а тутъ пришлось ему еще помочь семьѣ своего тестя, состоявшей изъ 5 человѣкъ и оставшейся совсѣмъ безъ средствъ къ жизни. „Нравственный долгъ обязывалъ меня придти къ нимъ на помощь. Но какъ? Взять ихъ къ себѣ въ Кострому немислимо, такъ какъ 300 р. дохода и самимъ было недостаточно, и я, взвѣсивъ обстоятельства, рѣшился занять мѣсто тестя въ с. Листьѣ, при содержаніи дешевле городскаго, и бывають разные сборы хлѣба и другихъ продуктовъ. Поэтому-то я и рѣшилъ перемѣнить городское мѣсто на сельское.“ Нужно было далѣе поднять свою собственную немалую семью. Не вѣдѣвъ, конечно, почитать, съ какимъ необычайнымъ напряженіемъ силы своихъ добывалъ о. Алексѣй деньги на воспитаніе дѣтей своихъ, которыхъ сразу училось въ городѣ по нѣскольку. Себя онъ тогда забывалъ совершенно, чтобы лишнюю копѣйку отослать дѣтямъ. И не смотря на это, дѣтямъ никогда не приходилось услышать отъ него ни слова ропота на свою нужду. „Благодаря Бога, прожили,“ воспоминаетъ о. Алексѣй это трудное для него время, „воспитали дѣтей, которыя вышли не дурны и которыми можно похвалиться.“

Къ хлопотамъ о дѣтяхъ, изъ-за которыхъ о. Алексѣй провести можетъ, не одну бессонную ночь, присоединилась впоследствии тревога за жизнь своей супруги, болѣе десяти лѣтъ прикованной болѣзнями къ постели. Начались новыя заботы—о докторсахъ, лекарствахъ, и новыя денежные затраты. Но не замѣчалъ и этихъ расходовъ о. Алексѣй, да и некогда было считать ихъ—его сердце было занято исключительно мыслію о томъ, какъ бы спасти свою дорогую больную. И Богъ утѣшилъ его,—еще задолго до смерти его больная встала съ постели и сама провела любящаго и любимаго мужа на мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Такова, должно быть, судьба выпадеть на долю человѣка, или таку судьбу самъ себѣ устроялъ о. Алексѣй: въ жизни его не было ни минуты, которую бы онъ удѣлилъ лично для себя. Послѣ дѣтей, на содержаніе его, до самой его смерти, была его внука-сирота, обучавшаяся въ гимназіи; въ его помощи нуждались и другія сироты—родственницы, такъ что совсѣмъ не пришлось ему отдохнуть отъ житейскихъ заботъ и хоть на закатѣ дней своихъ пожить въ покоѣ. Уже прикованный къ постели, онъ не хотѣлъ мириться съ этимъ невольнымъ „отдыхомъ“ и страдалъ больше отъ бездѣйствія, чѣмъ отъ болѣзни.

Судьба какъ бы намѣренно окружала о. Алексѣя и чужими сиротами, для которыхъ онъ назначался опекуномъ. Между прочимъ, еще въ юности его священникомъ въ Костромѣ, на него возложены были обязанности опекуна надъ имѣніемъ умершаго священника Даниловскаго, малолѣтній сынъ котораго Димитрій жилъ съ своей слѣпой бабушкой А. А. Голубинской, теткой проф. Д. О. Голубинскаго. „Я хотѣлъ войти въ подробности управленія Голубинской“, рассказываетъ о. Алексѣй, чтобы не было убытка малолѣтнему Димитрію. И что же оказалось? Управительница вела дѣло совсѣмъ въ ущербъ малолѣтнему, о чемъ я и замѣтилъ ей“. Оскорбившись этимъ замѣчаніемъ, Голубинская нажаловалась на о. Алексѣя Архіерею и своему племяннику-профессору. Тѣмъ не менѣе, попечительство распорядилось указаннымъ имѣніемъ какъ разъ по его проекту, а проф. Голубинскій благодарилъ его за его дѣльные распоряженія. Другое семейство, съ которымъ, по обязанности опекуна, пришлось о. Алексѣю имѣть дѣло, было—благочиннаго М., въ вѣдѣніи котораго онъ состоялъ и на пономарской должности въ с. Волѣ, и священникомъ въ с. Листьѣ. Много огорченій доставили ему эти дѣти... Имѣнье ихъ состояло только въ постройкахъ и хлѣбѣ въ амбарахъ, а денегъ не было ничего.“ Опекунскія обязанности несъ о. Алексѣй и въ отношеніи свою въ Клевцовѣ.

Не мало потрудился о. Алексѣй на своемъ священномъ посту. И эти труды, продолжительные, безъ отдыха, напряженные, отзывались законцемъ, ослабленіемъ его организма. Какъ бы предчувствуя скорый роковой исходъ своей болѣзни, при послѣднихъ свиданіяхъ съ сыновьями своими, неоднократно раздѣлялъ онъ имъ свой богатый капиталъ,—имѣя на память написанныя воспоминанія о прожитой имъ жизни, и видно было, какъ и при жизни своей, онъ дѣтямъ подавалъ всегда примѣръ чести, искренности, прямоты и твердости, такъ желалъ и по смерти собою сохранить исключительное право добраго вліянія на нихъ. А по смерти, въ ожиданіи исхода недуга, съ увавшими тѣлесными силами, когда

глаза уставали служить ему, а руки отказывались держать перо, на бумагах подѣлиться опытомъ своей жизни, онъ весь отдавался мыслямъ о пережитомъ и не могъ не утѣшаться сознаниемъ своего честно выполненнаго долга на землѣ. И это сознание оживляло его и влекло къ дѣятѣйшей работѣ. И онъ жаждалъ жизни, но мирился и съ смертностью. Тяготило лишь болѣзненное состояніе, когда крѣпкій еще духъ его съ напряженіемъ продолжалъ работу, а тѣло его, уже ослабѣвшее, не отвѣчало велѣніямъ духа.

И вотъ, въ надеждѣ получить себѣ физическое подкрѣпленіе, а можетъ быть, и по предчувствію близкаго конца,—а умереть онъ всегдѣ желалъ въ Клевцовѣ,—за мѣсяць лишь до смерти переѣхалъ онъ съ Иванова. Предъ глазами его здѣсь снова былъ тотъ храмъ, въ которомъ 30 лѣтъ непостыдно совершалъ онъ Божественную службу; оква его комнаты видно было и любимое его дѣтище, памятникъ трудовъ его въ Клевцовѣ—церковно-приходская школа, за которую такъ горько стоялъ онъ всю жизнь свою... И его мысль росла, получая новые и новые мотивы. „Поправлюсь, и я что-нибудь сдѣлаю для школы своими руками, попрошу и знакомыхъ помочь благоустроенію ея деньгами,—мнѣ никто не откажетъ, не для себя вѣдь я стараюсь“, прерывающимся отъ слабости голосомъ говорилъ о. Алексѣй. Мысль, неотвязная мысль о школѣ мучила его до послѣдней минуты. Приходившимъ къ нему его прежнимъ прихожанамъ онъ давалъ одинъ завѣтъ: „возьмитесь сами, вѣсь приходомъ за школу, поправьте ее, вѣдь всѣмъ вамъ ничего не стоитъ. Ты печникъ,—устрой въ ней печь, дугой выростъ плавну и отведеть воду, тотъ доставить матеріалы. Такъ и каждый поможетъ. А не хотять всѣ,—хотя немногіе помогите“. Такъ о. Алексѣй самъ съ готовностію несій свой трудъ и помощь всюду, требовалъ и отъ другихъ безкорыстнаго труда,—требовалъ потому, что имѣлъ право требовать... А мы, окружающіе его, только словами утѣшали больного.

13-го іюля, въ 8½ ч. вечера, въ живыхъ его уже не стало. Причина его была тихая, почти безболѣзненная. Къ ней приготовился онъ въ таинствахъ покаянія, елеосвященія и причащенія св. Тѣла. И дальше, какъ за ¼ ч. до смерти о. Алексѣй дѣлалъ распоряженія о помощи сиротамъ своимъ, еще разъ и уже послѣдній пережилъ сиротиную гору. Черезъ ¼ ч. кровь хлынула у него горломъ, сознание оставило его, и о. Алексѣй отдалъ душу свою Богу на рукахъ окружавшихъ его дѣтей.

Погребеніе тѣла почившаго было совершено 16 іюля. Отдать послѣдній долгъ ему собрались сосѣдніе священники. О. І. А. Савинскій—почти память его задушевнымъ, неліценпріятнымъ словомъ (см. ниж.); крестикъ

во прочувственную рѣчь сказать и о. А. А. Побѣдимскій. Мѣстный хоръ, выходящій на похороны, провождалъ о. Алексѣя до могилы...

Покойся же у Царя Небеснаго, дорогой нашъ, незабвенный о. Алексѣй Александровичъ. Не мало добра сдѣлалъ ты въ своемъ земномъ странствованіи, оставивъ намъ поучительный примѣръ жизни и въ нашихъ сердцахъ создавъ достойный памяти твоей монументъ. Вѣрь, что не заглохнутъ въ насъ добрыя сѣмена, посеянные тобой, и дѣла наши будутъ въ похвалу тебѣ. Нынѣ же прими сей малый, но отъ искренняго, любящаго сердца принесенный тебѣ даръ въ утѣшеніе, земную награду и вѣчную память о тебѣ.

Рѣчи, произнесенныя при отпѣваніи тѣла почившаго отца Алексѣя Александровича.

1). Священника І. Савинскаго.

Блажени мертви, умирающіи о Господѣ отмытъ: ей, глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними Апк. XIV, 13.

Тихимъ, мирнымъ и почти безболѣзненнымъ сномъ почилъ ты, дорогой нашъ собратъ и служитель Божій, о. Алексѣй, отъ земныхъ, честно исполненныхъ трудовъ своихъ на нивѣ церкви Христовой. Не мнѣ разсуждать о достоинствѣ святой работы твоей,—она почтена вниманіемъ и начальства. Извѣстно, что отъ избытка сердца уста говорятъ. Какъ же мнѣ съ сердцемъ, нереполненнымъ самыхъ лучшихъ воспоминаній о тебѣ, отпустить тебя въ могилу безъ послѣдняго слова? Многимъ добромъ можно бы сегодня помянуть тебя, достоуважаемый собратъ нашъ, но что особенно дорого въ нынѣшнее шаткое время, такъ это твоя глубокая и живая вѣра въ Бога и твоя трезвая, добрая, истинно-христіанская жизнь, жизнь ктому же благословенная долголѣтіемъ. Но и долголѣтіе закончилось—жизнь отжиги, обетшавшее тѣло уложено во гробъ, чтобы исполнить судъ Божій: *Земля еси, и въ землю отыдещи* (Б. III, 19), а душа восходитъ горѣ, ко Господу, *Иже и даде ю*, въ ожиданіи ижекогда снова облещися въ тѣло, но уже нетлѣнное и не ветшающее. Въ послѣдній разъ сегодня ты, слуга Господень, являешься въ дорогой твоему сердцу храмъ сей. Но являешься не за тѣмъ, чтобы самому совершить службу Божию, съ любовью ко Господу о себѣ и о чадахъ своихъ, а чтобы, отправляясь въ другой міръ, самому получить отъ Христовой цер-

кви чрезъ ея служителей послѣднее молебное объ умершемъ послѣдованіи. Скорбимъ мы о тебѣ, о. Алексѣй! Скорбимъ, что ты умеръ, что не пожилъ еще. Сокрушаются по тебѣ твои семейные, — жена твоя, прожившая съ тобою такъ много лѣтъ, какъ бы единой съ тобою душою, — въ твою горе было ея горемъ, твоя радость — ея радостью. Чѣмъ же теперь замѣнить ей твой сердечный привѣтъ и ласку? Ты берегъ и покоилъ ее всегда и вездѣ, — не стало у нея любящаго супруга. Скорбятъ по тебѣ твои дѣти и дѣти дѣтей твоихъ. Они живо помнятъ, какъ ты, часто въ ущербъ своему здоровью и матеріальному достатку, старался ихъ въ порядокъ привести, дать имъ капиталъ духовный, цѣннѣе вещественнаго и Господь помогъ тебѣ въ добромъ стремленіи; дочери были пристроены, а сыновья, получивъ высшее образование, честно и степенно, тебѣ на радость, и по примѣру отца своего, совершаютъ путь земной. А потому смерть твоя нанесла ихъ сердцу глубоко зияющую и трудно излечимую рану.

Добромъ тебя помянуть и духовныя твои чада. Твоя истовая, безъ пропусковъ, церковная служба — по чину и благообразно — явно показывала, что ты радѣлъ о своихъ прихожанахъ и усердной молитвой своею стремился отъ Бога низвести на нихъ Божіе милосердіе и щедроты. Въ требы въ приходѣ совершалъ ты благоговѣйно, съ назиданіемъ для паствы. Словомъ Христовымъ ты старался предохранить ее отъ всякаго недобраго ученія. Истину евангелія ты внушалъ не только своимъ прихожанамъ, не и чужеприходнымъ, особенно уклонившимся отъ праваго Христова ученія. Съ удивительнымъ терпѣніемъ при этомъ ты переносилъ невѣжественныя возраженія и укорины отъ отщепенцевъ церкви старообрядцевъ.

Такъ, честнѣйшій о. Алексѣй въ тиши сельской жизни, среди темнаго простаго народа, безъ шума протекла твоя земная жизнь. Не заискивалъ ты ни у кого себѣ вниманія, не старался выдвинуться изъ сослуживцевъ своихъ чрезъ постороннее какое-либо вліяніе; но всегда образъ былъ върнымъ словомъ, житіемъ, любовію, вѣрою и чистотою.

И вотъ, добрый и вѣрный служитель Христовъ, самого тебя Господь сподобилъ христіанской, мирной и безболѣзненной кончины. Тѣло и кровь Христовы тобою приняты предъ смертію, — залогъ будущей блаженной жизни твоей. А таинство елеопомазанія сотретъ изъ книги животной и тѣ твои грѣхи, которые ты по забвенію оставилъ, быть можетъ, не исповѣданными отцу духовному.

Пусть же не горемъ и безплодными слезами сопровождается наша любовь къ новопреставленному іерею Алексѣю, а чистыми и святыми молитвами о немъ къ Спасителю нашему Іисусу Христу. По молимся о

немъ Господу. да дастъ ему Богъ вѣчный, блаженный покой въ покой, въ которомъ и покоится и покойно и вѣчно и вѣчно и вѣчно. Ты не смѣй своею гордынею и тщеславіемъ Своимъ жилищѣ.

II. Свящ. І. Калининкова.

Окончивъ ты земную жизнь свою, возлюбленный о Господѣ обратъ нашъ, высокочтимый старецъ, о. Алексѣй Александровичъ. Что сказать тебѣ въ похвалу твою на прощаніе съ тобою? Я жилъ съ тобою въ сосѣдствѣ, по своему служенію, не много времени, всего два-три года, и поэтому заранѣе прошу тебя извинить меня за малое слово, которымъ все-таки желается почтить тебя.

Жизнь твоя въ священническомъ санѣ проходила въ непрерывныхъ и неустанныхъ трудахъ, а пришелъ ты на трудъ въ виноградики Христовы не въ 3-й, 6-й или 11-й часъ, но началъ въ немъ работу свою съ перваго часа и, не покладая рукъ, работалъ въ немъ во славу Божию и Его св. церкви. Взявши на рамена свои это великое и неудобноносимое для многихъ ярко священническаго служенія, ты шелъ прямою дорогою и възгрѣвалъ въ себѣ этотъ величайшій даръ священства непрестанною молитвою къ Богу и глубокою вѣрою, всегда взирая на Начальника вѣры Господа Іисуса Христа. — Ты словомъ Божиимъ, этимъ духовнымъ мечемъ, въ теченіе всей своей жизни посѣкалъ противныя св. церкви лжеученія и лжеудрованія противниковъ православной церкви и, взявши на себя орало духовное, не оглядывался назадъ а, какъ опытный путеводитель, шелъ твердымъ путемъ истинной вѣры въ Бога, слѣдуя евангельскому ученію, и пасомыхъ своихъ велъ тою же спасительною дорогою, временно и безвременно наставляя ихъ, какъ нужно право вѣровать въ Бога, какъ стяжевать добродѣтели и достигнуть царствія небснаго. И училъ ты вѣрѣ въ Бога и благочестію не только вѣренныхъ тебѣ пасомыхъ прихода твоего, но далеко и за его предѣлами ты возвѣщалъ славу Божию и истинность православной церкви. Ты неустанно проповѣдывалъ и словами св. Іоанна Златоуста говорилъ всѣмъ, что безъ св. православной церкви и ея св. таинствъ спасеніе христіанину невозможно. Если и были люди, которые, не слушая твоихъ добрыхъ наставленій, даже посмѣивались надъ тобою, ты все это переносилъ благодушно со всякимъ долготерпѣніемъ. Ты по жизни своей и понесеннымъ трудамъ сподобился вѣрному и мудрому евангельскому рабу, который

поставленъ былъ блюстителемъ и дѣлательемъ къ дому Господню и которому Господь за вѣрное и честное дѣланіе обѣщалъ въ вѣрнѣе все свое имѣніе. Ты не скрылъ своихъ, данныхъ тебѣ Богомъ, талантовъ, но приумножилъ ихъ, всегда былъ неустаннымъ стражемъ у дома Божія и у словеснаго Его стада дѣлать и ночь. Цѣлыя десятилѣтія твоего служенія церкви Божіей провелъ въ непрестанныхъ трудахъ и борьбѣ съ нравственными зломъ. Ты былъ правиломъ вѣры, образомъ кротости духовной и примѣромъ воздержной жизни,—эти добродѣтели ты познавалъ у покровителя сего св. храма и твоего помощника въ трудномъ служеніи, святителя Николая чудотворца, оставившаго образецъ достойнаго пастырскаго служенія;—словомъ, ты былъ для всѣхъ какъ бы всегдашней живой проповѣдію.

Но жизнь твоя, почившій отецъ нашъ, была не безъ ключихъ терній. При спокойной, повидимому, и нѣкоторымъ образомъ какъ бы обезпеченной жизни, не мало на твою долю выпадало скорбей и несчастій. Ты не мало имѣлъ заботъ и попеченій о немалой твоей семьѣ, при органиченныяхъ средствахъ желая дать дѣтямъ своимъ должное воспитаніе, чего достигъ при помощи Божіей; ибо всѣ дѣти твои должнымъ образомъ устроены, а сыновья твои получили высшее образованіе въ академіи и принесли тебѣ утѣшеніе за твои скорби и попеченія.—А сколько ты скорбѣлъ о духовныхъ твоихъ дѣтяхъ, вѣрнѣе отъ Бога твоему духовному водительство. Дѣнь и ночь на сердцѣ твоёмъ были непрестанныя печали. была одна всегдашняя дума: какъ бы кто не погибъ отъ страданій твоего, не умеръ духовною смертію и не взыскалъ бы тебя Господь за эту погибшую овцу. И ты скорбѣлъ и молился.—Не мало ты перенесъ и жизненныхъ матеріальныхъ лишеній вслѣдствіе людской злобы, съ потерей даже твоего имущества, твоего дома, истребленнаго пожаромъ. Но ты былъ крѣпокъ духомъ, съ терпѣніемъ переносилъ эти скорби, молясь Богу за враговъ своихъ и, не унывая, не падая духомъ, продолжалъ свое св. дѣло Проповѣдію своею о правдѣ Божіей и истинности св. церкви ты былъ врагомъ міру, за то будешь теперь другомъ Божиимъ, по слову св. апостола: „кто хочетъ быть другомъ міру, тотъ становится врагомъ Богу.“ Ты не вѣдалъ и оправдалъ на себѣ заповѣдь св. апостола. Ты сорокъ шесть лѣтъ (легко сказать!) былъ пастыремъ словеснаго стада Христова, и за всѣ эти годы переносилъ тѣ скорби, которыми

извѣстны одному Пастыреначальнику—Богу, и находилъ себѣ только одно утѣшеніе—въ молитвѣ къ Нему. Сорокъ шесть лѣтъ ты предстоялъ у престола Господня, принося безкровную жертву о себѣ и о людскихъ грѣхахъ, умоляя Господа, да не погибнетъ кто отъ нихъ. Ты высоко и крѣпко держалъ св. знамя церкви, Крестъ Христовъ, не падая несъ иго Христово; оно тебѣ было легко, при твоей глубокой вѣрѣ въ Бога,—ты и теперь еще держишь это св. знамя крѣпко, хотя уже и въ окладѣвшей и оцѣпенѣвшей рукѣ, и то св. Евангеліе держишь на сердцѣ своемъ, которые ты неустанно проповѣдывалъ людемъ во спасеніе. Съ ними ты предстанешь и къ Богу живому и вѣчному и скажешь: *се азъ, Господи, и дѣти мои.*—Ты еще не такъ давно предстоялъ Престолу Господню: до послѣдней возможности человѣческой, до изнеможенія силъ служилъ ты Господу.—но вотъ пришло время, и неумолимая коса смерти положила предѣлъ твоимъ долготѣннымъ трудамъ и ты сложилъ съ себя духовное оружіе, снялъ съ себя броню и доспѣхи духовныя и уснулъ сномъ смерти. Поистинѣ ты былъ слуга Христовъ напостыднѣе и воинъ твердый и неустрашимый!

Блаженъ ты, іерей Божій Алексѣй, умирающій о Господѣ! За твою добрую христіанскую жизнь, за понесенные тобою труды во славу Божію и Его св. церкви, за твое терпѣніе Господь сподобилъ тебя кончины христіанской, непостыдной и мирной,—и ты былъ готовъ къ этой кончинѣ, ибо запечатлѣлъ себя—душу свою всѣми семью таинствами церкви, за которыя и ратовалъ! Господь позвалъ тебя къ Себѣ—и ты сказалъ: *се азъ, Господи, яко звалъ мя еси, готово сердце мое, Боже, готово.*

Да будетъ тебѣ могила не темная, а свѣтлая, и земля, скрывающая твои бранные останки, легкою. Прими отъ меня, вѣнчочк. о. Алексѣй, это малое и слабое слово; вѣдь все это ты слышишь, ибо душа твоя сейчасъ съ нами здѣсь витаетъ у твоего гроба.

Слушатели отцы и братіе! Все, что сказалъ я, сказалъ отъ сердца, ибо мертвымъ не льстятъ, да они и нужды въ этомъ не имѣютъ. Да и самыя слова нагробныя и рѣчи нужны не имъ, а намъ, ищущимъ утѣшенія и назиданія! Почившимъ нужна одна только молитва о нихъ. Помолимся Господу, чтобы духъ, всесвятый, простилъ усопшаго іерея Алексѣя и очистилъ духъ его отъ вольныхъ и невольныхъ согрѣшеній.